

КАК ОБУСТРАИВАЕТСЯ «ВЕЧНОСТЬ»
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX—XXI ВВ.¹

Слово вечность относится к явным константам русской поэзии, к тем словам, которые обычно обозначаются термином «поэтизм». Поэтизм — это такое слово, которое с первого взгляда опознается читателем как слово, характерное для поэзии, особенно уместное в ней [Поэзия. Учебник 2016: 504], или под поэтизмом понимается сегмент текста, однозначно опознаваемый в широкой культурной традиции как принадлежащий к «образцовому» поэтическому дискурсу. При этом статус поэтизма не является постоянным, то есть неотъемлемым и раз и навсегда заданным признаком лексемы — напротив, он исторически изменчив, что может найти отражение в лексикографической практике при составлении словарей языка поэзии и отдельных поэтов.

Абстрактное понятие *вечность* не относится к числу высокочастотных в узусе, что уже позволяет говорить о значимости его воспроизводимости, и здесь особое место занимают символисты, которые «задали тон» *вечности* для русской поэзии XX в. Так, на 10 000 слов слово *вечность* встречается у Бальмонта — 38 раз, у Брюсова — 12 раз, у Гиппиус — 5 раз, у Мережковского — 13 раз, у Белого — 8 раз, у Блока — 21 раз, у Вяч. Иванова — 26 раз, у Анненского — 2 раза, у Пастернака — 16 раз. По данным Словаря языка русской поэзии XX века, лексема *вечность* встречается 19 раз у Блока, 1 — у Анненского, 16 — у Цветаевой, 12 — у Пастернака, 10 — у Мандельштама,

356

3 — у Ахматовой, Кузьмина, Есенина, Маяковского, 2 — у Хлебникова [СЯРП 2001: 492—493].

Такие слова обычно провоцируют полярное отношение поэтов, то есть отношение приятия или неприятия. В русской поэзии модель приятия демонстрирует символизм, а модель неприятия — акмеизм. *Вечность* — ключевое слово символистов. Концептуализация вечности у символистов определяется трансляцией платонистической идеи (*В вечность мчит Идея* (Вяч. Иванов)), вследствие чего *вечность* появляется преимущественно в номинативе. У символистов *вечность* — абстрактное имя, которое содержит в себе семантику неподвижности, статики, определенного «конечного

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-24-10001 «Параллельные процессы в языке современной русской и китайской поэзии».

пункта», где невозможно движение. *Вечность*, вечное может рассматриваться и как некий пустой знак, как знак отказа от значения (указание на референт без значения). Неслучайна и регулярность написания *вечности* у символистов с прописной буквы (4 раза у Блока, 11 — у Вяч. Иванова, 14 — у Белого, 19 — у Бальмонта)².

Частотность и выделение *вечности* как ключевого слова у символистов провоцирует на протяжении XX в. иронию над литературностью слова *вечность* и может не просто маркировать слово *вечность* как поэтизм, но и провоцировать отношение к нему как к поэтическому штампу: *У меня, / да и у вас [у Пушкина], / в запасе вечность...* (В. Маяковский). Во второй половине XX в. обращение к вечности в ряде поэтик становится не просто моделью поэтизма, но и примером «дурного тона», поэтому нередок иронический контекст употребления слова *вечность*, благодаря чему *вечность* остается неким непроницаемым целым, неким телом, структура которого перестает осмысляться: *Снимаем обувь — уж таков порядок // Здесь Вечность спит «у времени в плену»* (Г. Сапгир). В то же время частотность слова *вечность* в непрофессиональных, наивных, любительских стихах остается высокой.

У акмеистов именно слово *вечность* провоцирует борьбу с отвлеченными понятиями, попытку их рационализации, конкретизации: акмеистам «не дорога сама отвлеченная вечность» [Городецкий 2001: 125]; *И Батюшкова мне противна спесь: Который час, его спросили здесь, А он ответил любопытным: вечность!* (О. Мандельштам); *Вечность — вечная — дело пустое* (А. Ахматова). Постакмеисты не вносят ничего существенно нового в концептуализацию вечности, а продолжают начатую акмеистами стратегию нарочитой конкретизации вечности

357

как знака неприятия поэтизма (*Будь ты проклята, девка, тоска и отравка, / Моя вечность налево, твоя вечность направо* (Е. Рейн)), часто используя прямые интертекстуальные переключки с акмеистами, например, ахматовская формула *вечность — дело пустое* транслируется у Бобышева: *и всех и вся, и деву-взрывоносца / пустой припухлой вечностью покрыв* (Д. Бобышев).

Если наиболее устойчивой рифмой у символистов оказывается пара *бесконечность — вечность*, появляющаяся у Бальмонта, Брюсова, Гиппиус, Вяч. Иванова, Мережковского: *От века ненавижда вечность, — // Позорит*

² Подсчеты см. в [Баймуратова 2012].

8 — *бесконечность* (Гиппиус), то именно эта пара маркируется Ахматовой как модель неприемлемой сочетаемости:

что тоскуешь, будто бы вчера
мы расстались: между нами *вечность* —
Без особенных примет дыра,
С неприглядной кличкой — *бесконечность*.

Следующую итерацию совершает уже современный поэт, намеренно возвращаясь, вопреки акмеистической и постакмеистической традиции, к переосмыслению на новом этапе символистских абстракций. Так, у Андрея Таврова *бесконечность*, если и не является прямой рифмой к вечности, все же появляется рядом с ней в стихах, например в образе восьмерок: *чтобы в прозрачных ведрах идущего впереди // золотыми восьмерками ходила вечность* (А. Тавров).

Настоящая статья построена как на материале корпуса текстов русской поэзии [Поэтический корпус русского языка], так и на текстах новейшей поэзии. Кроме того, действующим поэтам было предложено анкетирование, содержащее вопрос о том, можно ли употреблять слово *вечность* в современной поэзии или они ощущают определенный запрет. В опросе приняли участие около 80 современных поэтов.

У большей части современных поэтов *вечность* мыслится как явный поэтизм. Так, Мария Галина, транслируя позицию постакмеизма, пишет: «Я вообще не люблю общих слов — а современная поэзия, по-моему, не любит “поэтизм”». Так же и Аркадий Штыпель утверждает, что запрета не ощущает, но в стихах едва ли не ко всем словам на *-ость* относится отрицательно. Ему вторит Евгений Абдуллаев: «запрета не ощущаю... Скорее, некое “сопротивление” языка — русский поэтический язык — видимо, в силу того, что не имеет, подобно европейским, “материкового слоя” в виде средневековой ученой латинской поэзии — все еще отторгает такого рода абстракции. Плюс

358

нынешняя тенденция к опрощению поэтического языка...» В основном современные поэты придерживаются позиции, что в поэзии ничего не запрещено, и отвечают, что запрета на употребление этого слова, как и любого другого слова, нет, однако оказывается, что поэты имеют в виду отношение к внешнему запрету, в то время как каждый поэт следует собственному запрету. Многие поэты рассказали о специфике своего субъективного запрета. Так, например, Александр Уланов пишет, что слово *вечность* кажется принадлежащим к группе «ярлычков», которые автор

вешает, не дав себе труда увидеть что-то подробнее, поэтому поэт предлагает слово *вечность* употреблять, но очень осторожно. Аналогично сформулировал Сергей Завьялов: «запрета не чувствую — чувствую ответственность». Молодой поэт Станислав Снытко отмечает, что для авторов, настаивающих на разрыве с традицией (или, как сформулировал Александр Скидан, на «преемственности с традицией через разрыв»), подобная лексика оказывается скомпрометированной или же просто нерелевантной. Николай Звягинцев ответил, что у каждого автора есть некоторая самоцензура, но лично у него она скорее является «контролем качества», а не набором тем или слов, которые надо обходить. Оригинальный субъективный запрет предложил Дмитрий Чернышёв: «я никогда не употреблял слово вечность, поскольку оно однозначно ассоциируется для меня с чудесным романом Айзека Азимова...»

Стратегия, которая примыкает к позиции запрета на слово, — это стратегия «работать» со словом как с запретом, то есть работать именно как с клише, чужой речью, используя слово *вечность* как чужое, герметическое, внешнее высказывание. В русле этого подхода отвечали Николай Байтов («я не могу представить себе ситуацию, в которой я употребил бы *вечность* (в стихотворении) как “свое” слово. Но вполне допускаю его употребление как слова “чужого” (цитатного, шаблонного)», Данила Давыдов («для меня нет запретных слов, но оно не живое. Если используется — то как знак чужого (псевдовозвышенного?)»).

Ряд поэтов подчеркивал, что употреблять слово *вечность* в поэзии все же можно, хотя не очень просто и не очень удобно. Так, Дмитрий Веденяпин ответил: «Слово *вечность* употреблять можно, как и всякое другое слово. другое дело, что это сделать непросто, но все-таки, по-моему, проще, чем употребить многие другие слова, например “мечта”»; Света Литвак замечает, что употреблять слово *вечность* можно, хотя не совсем уместно писать о вечности, употребляя прямо это слово. Полина Андрукович признается: «...*вечность* вне

359

контекста для меня “не звучит”». То же самое отмечает Евгения Суслова: «я не ощущаю запрет ни на какие слова, скорее можно говорить о том, что слова слишком абстрактные (“вечность”, “пустота” и др.) хочется поместить в особый контекст, чтобы они приобрели некоторое конкретное (осязаемое) семантическое измерение». О важности контекста написал также Михаил Айзенберг: «Не ощущаю безусловного запрета, только сложно поместить это понятие в нужный контекст». Иван Ахметьев добавляет, что употреблять можно, но «нужно учитывать нагруженность традицией». Евгения Риц в

строчке «Обманчивая нежность быстротечна», по собственному признанию, меняла *нежность* на *вечность* и обратно много раз, пока не решила все же обойтись без *вечности*.

Немногие поэты говорили о необходимости вернуться к поэтике вечности на новых основаниях и субъективировать себя в пространстве вечности по-новому. Так, Анастасия Романова пишет: «Нет, не запретное, Но... Подсознательно меня такие крупные, увесистые понятия провоцируют на поиск и подбор иных слов и сочетаний в том или около того значении. Если говорить о сути понятия, то тема волнительная». Самым показательным в этом смысле оказывается ответ Гали-Даны Зингер: «Этот опрос застал меня в тот момент, когда слово *вечность* оказалось для меня одним из самых насущных. В том, что я сейчас пишу, оно и его производные употреблены раз двенадцать, в то время как слово “время” — всего девять».

С другой стороны, если рассматривать *вечность* не только как слово, но и как концепт, то есть посмотреть на то, как концептуализируется *вечность* в русской поэзии на протяжении последних ста двадцати лет, то можно обнаружить некие константы концептуализации, которые, скорее всего, относятся не только к поэзии как некоторой дискурсивной практике, а выявляют некие общезначимые когнитивные рамки.

Кроме вопроса о статусе слова, поэтам были заданы вопросы о том, как они вообще представляют себе пространство вечности (не только в поэзии): где она находится, там или здесь; сверху, снизу, вдали; можно ли передвигаться по вечности, и, если можно, то как; было предложено охарактеризовать вечность тремя прилагательными; определить цвет вечности и оценить вечность по шкале хорошо / плохо.

Далее мы рассмотрим концептуализацию *вечности* как некую константу, которая транслируется из поэзии Серебряного века в современность, и построим основные предикаты создаваемого пространства *вечности*.

360

Со времен символистов *вечность* предстает как неизменность, неподвижность: ***Неизменно предвечны они, — Ты пред Вечностью полон измен*** (А. Блок); *Где орлы сидят подобны вечности* (В. Хлебников). Одна из самых характерных концептуализаций *вечности* в поэзии — это смерть: ***На лоно Вечности могильной*** (Вяч. Иванов). Мы находим подобную сочетаемость *вечности* как у авторов Серебряного века, так и у поэтов второй половины XX в. и у наших современников: Сергей Завьялов отождествляет *дуновение вечности с миазмами мощного выдоха*, а у Светы Литвак *высокомерная вечность*, как и бездна, вертит *жернов*. *Вечность* как *смерть* фигурирует не только в стихах, но и в ответах поэтов: «Я сейчас представил,

что это имя собственное. Например, бюро ритуальных услуг “Вечность”» (А. Переверзин). В ответах пространство вечности может напрямую определяться как загробный мир. Так, Андрей Сен-Сеньков отвечает, что передвигаться по вечности можно, умерев, а Валерий Нугатов пишет: «Как передвигаться в гробу? Это затруднительно». *Концептом вечность как смерть* объясняется и частотное появление предиката *окончательный*: *вечности качество будто в ней есть: о такой:*

окончательной будто! (Г. Айги). *Сон, сонный* по отношению к вечности тоже предстает как вариант смерти: *Будто играющий в жмурки // С Вечностью; У сонной вечности в руках* (А. Блок). Даже в палиндроме вечность существует в пространстве сна: *Лады вечности — хит: сон* Чевы дал (Е. Кацюба).

Можно назвать предикаты вечности, которые одновременно являются предикатами смерти: холод, туман, темнота, слепота. Например, у Блока: *туманная вечность холодным крылом...* Сюда же относятся такие вхождения, как *Слепая вечность отца ночей* (Вяч. Иванов); *Вечность // полярное пламя* (А. Белый); *Прохладой Вечности* (М. Цветаева); *И, если в ледяных алмазах // Струится вечности мороз* (О. Мандельштам), *Снято снегом, Проявлено Вечностью* (Б. Пастернак). Характерный предикат *тепла* у Пастернака (*И теплотой пошло по телу. // Со мной сегодня вечность вся*) более всего свидетельствует о том, что в поэтической конвенции, напротив, утвердилась *холодная вечность*. Но и в современной поэзии *вечность* соседствует с *зимой* (Г.-Д. Зингер)), а слово *вечность* складывается из *хрустального льда* (Д. Григорьев).

Пространство вечности не только слепо, но и немое: *Нам слиться с вечностью немой* (Д. Мережковский); *Немая царственная вечность* (К. Бальмонт). Если у символистов любимый цвет вечности — синий (цвет перехода между мирами): *В бездонную пропасть,*

361

в какую-то синюю вечность (А. Блок); *с тобой бирюзовая Вечность* (А. Белый), то в дальнейшем вечность теряет цвет, и в стихах современных поэтов отсутствуют цветовые предикаты, а в ответах поэты сообщают, что в их представлении вечность бесцветна.

Вечность — это особый тип пространства, которое можно рассматривать и как способ субъективации, то есть как возможность для субъекта существования в конструируемом пространстве вечности. Если в неоплатонизме и, соответственно, в символистской традиции вечность связана с отсутствием движения, статикой, то как видят поэты местоположение этого пространства относительно субъекта, существуют ли

некие способы перемещения по вечности и как их можно описать? если описывать вечность в координатах *здесь / там*, то очевидно, что конвенциональная вечность расположена *там*, это некое пространство, часто векторное пространство; оно впереди и вдали; туда может вести дорога, путь, мост, в нее может открываться дверь; в вечность входят, к ней идут, но из нее не возвращаются: *Что темной думы рост Нам в вечность перекинет мост...* (А. Блок); *совьются дни / В одну — Трепещущую Вечность* (З. Гиппиус); *Как будто в вечность приоткрылись двери...* (В. Брюсов).

Несмотря на то что есть вектор, который часто обозначен мостом, дверью, до вечности нельзя дойти, можно в ней только очутиться, в вечности можно пребывать, а не перемещаться. Михаил Айзенберг пишет: «Вероятно, можно в ней *очутиться*. И уже тогда вопрос о передвижении будет снят». Глагол *очутиться* фигурирует в ответах целого ряда поэтов, то есть попадание в вечность в основном мыслится как точечное, мгновенное, а не как поступательное движение.

Именно потому, что вечность утвердилась в поэтической конвенции как пребывающая *там*, поэты настаивают на присутствии вечности осязаемо, здесь: *Надо, чтоб елкою святочной Вечность средь комнаты стала* (Б. Пастернак). Настаивание на здесь-вечности присутствует и в ряде ответов поэтов, однако, как правило, не отражается в их поэтических текстах.

Вечность, расположенная там, впереди, *манит, влечет*: *Каналы, как громадные тропы, / Манили в вечность...* (В. Брюсов); *дальше, нас манит число роковое / В вечность...* (К. Бальмонт); *Вечность, махни веслом! Влечь нас. Давай уснем* (М. Цветаева).

Если следовать концептуализации вечности как идеи, то, очевидно, она должна располагаться сверху от субъекта (*Это Вечность Сама снизошла // И навеки замкнула уста* (А. Блок)), однако константой является расположение вечности внизу, как бездны, под ногами:

362

Над бездонным провалом в вечность (А. Блок); *Вся бытность разрыта, вся вечность...* (Б. Пастернак). Поэтому основной путь попадания в вечность — это падение, впадение; в вечность впадают, как в пропасть, в океан: *Чтоб преданьем в вечность впасть...* (Б. Пастернак); *каков будет этот остаток при впадении в океан вечности?* (С. Завьялов). Анна Голубкова, говоря о попадании в вечность, использует слово погрузиться. Однако некоторые поэты утверждают, что в вечность не только впадают, но из нее можно и выпасть: «в ней можно пребывать, из нее можно выпасть» (Г. Д. Зингер).

Ирина Ермакова пытается снять противопоставление *здесь и там*, рисуя образ вечности, как емкости, в которую все помещено, но тем не менее не может отказаться от традиционной оппозиции *время — вечность*:

За спиной вечная вечность и всё что было
впереди вечная вечность и всё что будет
сквозь неё *время со временной* своей силой
а внутри неё море-море и люди-люди.

В целом современные поэты пытаются избегать прямого противопоставления времени и вечности как слишком очевидного или усложняют его, снимая антитезу: *не торопится вечность // в Бога собраться...* — *в соседстве со «временем»* (Г. Айги). Еще М. Хайдеггер писал о вечности в письме к ханне Арендт: «Различение времени и вечности — слишком дешевая уловка. Возможно, она допустима для теологии, но для мышления это слишком грубая вещь» [Арендт, Хайдеггер 2015: 170]. Может быть, именно благодаря очевидности пары *время — вечность* само слово *время* не так часто попадает в контекст *вечности*. В стихотворении Мандельштама прецедентная сочетаемость *времени* (*время — песок, время — телега*) переносится на вечность, но слово *время* не называется: *У вечности ворует всякий, А вечность — как морской песок: Он осыпается с телеги — Не хватит на мешки рогож...* (О. Мандельштам). Если *время* и соседствует с вечностью, то это, как правило, сопровождается указаниями на деления времени: ***Времени у нас часок. Дальше — вечность друг без друга!*** (М. Цветаева).

Зато определенными константами являются сочетания *вечности* с любыми обозначениями точечного времени — *миг, мгновенье, минута*:

И в них увидишь ты *минутной*, хрупкой вечность... (М. Кузмин);
Немногие для вечности живут, Но если ты *мгновенным* озабочен... (О. Мандельштам);
Навеки *миг* этот будет, как вечность,

363

долг! (М. Кузмин); И с Вечностью запретный *Мигу* брак (Вяч. Иванов);
Но сердцу — вечность этот *миг* (Д. Мережковский);
Рады на *миг* и для вечности быть (В. Брюсов); где *миг* превращается в вечность (К. Бальмонт).

Иван Ахметьев в середине 1980-х гг. создает ироническую поэтическую модель регулярной для поэзии начала XX в. репрезентации *вечности*, которая может воспроизводиться и в текстах конца века: *наверно у многих // и глупых и умных // бывают моменты / бывают минуты ...// и целая вечность // и вся бесконечность // бывает у многих // бывает у*

всех. Однако начиная с 20-х гг. XX в. миги и мгновения уступают место делению вечности на часы: *Только маленький часок я у Вечности украла!* (М. Цветаева); *Прямо // перед мордой // пролетает вечность — // бесконечночасый распустила хвост* (В. Маяковский).

Стремление акмеистов противостоять отвлеченным понятиям приводит к метафоре счета вечности и превращения мигов и мгновений из оппозиции вечности в ее конкретные единицы: *С точным хронометром // в мигах и вечности // я властелин; Но вечность здесь разложена на миги* (С. Городецкий). Образ часов, хронометра становится константой противостояния вечности как отвлеченному поэтизму: *Как бой часов отзванивал бы вечность* (Н. Гумилев); *И вечность бьет на каменных часах* (О. Мандельштам). Закономерна и постакмеистическая аллюзия Бродского к Мандельштаму: *А на обычном циферблате — вечность!* (И. Бродский).

В новейшей поэзии основным способом репрезентации вечности необходимо признать переразложение фразеологизмов с компонентами обозначений отрезков времени (час, год и др.):

остаться б здесь на часик (на вечность) (Е. Абдуллаев); удар вечности // которую они уже коротали однажды (Г. Геннис); и кроет всех игроков козырями // как и вечность назад (Д. Григорьев); как стремительно старела комната — // рано, часов в вечность (Г.-Д. Зингер); Это вечность. Круглая вечность (И. Ермакова).

Такая частотность переразложения ФЕ говорит о том, что оппозиция вечность — время все-таки является некой когнитивной рамкой осмысления мира, часто не рефлексированной поэтами, и в этом смысле отношение к вечности как к поэтизму или непоэтизму, принятие его или непринятие частично нейтрализуются.

Любопытно, что освоение космоса во второй половине XX в. почти не изменило репрезентацию вечности в поэтическом тексте, хотя

364

и находит отражение в прозаической рефлексии поэтов; например, Евгения Риц включает образ космоса в допущение передвижения человека (но не поэтического субъекта) по вечности: «Это путешествия во времени, пока они возможны только мысленно. Можно подумать, что это также и космические перелеты, но это все-таки не то». Александр Илличевский, физик по образованию, дает развернутую картину вечности, для которой характерна попытка примирить то, что «над головой», с тем, что «под ногами»:

Фигуративно вечность самому изощренному сознанию если и представима, то *в виде камней под ногами и звездного неба*. И то — это только конечные образы довольно-таки «бесконечного» понятия. Камни суть своего рода «книги» миллионолетий. Наверняка каждому из нас в той или иной местности встречались камни, чья геологическая природа, чье происхождение отчаянно драматично с точки зрения Творения. Прибытие его частиц из глубин вселенной, формирование на уровне звездной пыли и космического щебня, геологически возвеличенные процессы кристаллизации, диффузии, растворения, окисления и т. д. Все это составляет страницы этих каменных «изданий».

Противостояние приятия и неприятия вечности (по модели символизм vs. акмеизм) так или иначе транслируется на протяжении всего XX в. Тема вечности в поэзии не может перерасти романтической привязки к смерти-бессмертию, может быть, именно поэтому для поэтов способ не-говoreния о вечности — это просто ее отмена³. Обычно отмене вечности сопутствует отмена оппозиции *здесьности / тамности*. В то же время среди тех определений вечности, которые поэты дают в ответах на вопросы (т. е. вне собственно поэтического контекста), присутствуют как конвенциональные для русской поэзии предикаты (*неживая, живая, пустая, мглстая, невидная, неслышная, неосязаемая, пугающая, страшная, загадочная, беззвучная, неизбежная, призрачная*), так и те, которые не встречаются ни в старых, ни в новых поэтических текстах: *механическая, герметичная, закрытая, чернбелая, старая, скучная, дедовская, благая, истинная*. Обратим внимание на то, что многие из предикатов второй группы можно отнести не столько к концептуализации вечности, сколько к отношению на

365

запрет этого концепта в поэзии. В целом очевидно некоторое противоречие между теми сравнительно новыми характеристиками, представлениями, ассоциациями, которые современные поэты дают в анкете, и их собственно поэтическими контекстами, которые, как правило, соответствуют тому представлению о вечности, которое уже сложилось в русской поэзии.

Этому можно найти две причины. С одной стороны, вечность, скорее всего, более философская категория, чем поэтическая, и ее пространство нуждается скорее в объяснении, развернутой рефлексии, принятой в

³ Об актуальности этой отмены, замены вечности и временности категорией «здесь» см. А. Бадью в предисловии к «краткому трактату об онтологии преходящего», где он пишет о задаче разрушения языка ностальгической фразеологии, языка лирического ожидания или лирического «там» [Азарова 2006: 182].

философском дискурсе, чем в непосредственном предъявлении в языке поэзии. А с другой — современная поэзия, может быть, именно в этом отстает от мысли, еще только подбираясь к новой концептуализации вечности, и (как видно из позиции Г.-Д. Зингер, А. Таврова и др.), возможно, эта тема будет разрабатываться в самое ближайшее время.

Вечность отказывается не только тем словом, которое маркирует стратегию обращения поэтов с поэтизмами, но и тем концептом, в котором внешнее пространство легко трансформируется во внутреннее пространство человека (человека в интерьере) и обратно.

Литература

Азарова 2006 — *Азарова Н. М.* Комментарий к комментарию: язык стихотворения Геннадия Айги «Здесь» как основание для философского комментария А. Бадью // АЙГИ. Материалы. Статьи. Эссе. В 2-х т. Т. 1. М., 2006.

Арендт, Хайдеггер 2015 — *Арендт Х., Хайдеггер М.* Письма 1925—1975 и другие свидетельства / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М., 2015.

Баймуратова 2012 — *Баймуратова А. С.* Абстрактные существительные на *-ость* в русской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Городецкий 2001 — *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Литературные манифесты: От символизма до «Октября». М., 2001. Поэзия.

Учебник 2016 — Поэзия. Учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян и др. М., 2016.

Поэтический корпус русского языка — Поэтический корпус русского языка. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/searchpoetic.html>

СЯРП 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. М., 2001.